

БЭКОНИАНСКИЙ ДИСКУРС В ВООБРАЖАЕМЫХ ПУТЕШЕСТВИЯХ МАРГАРЕТ КАВЕНДИШ И АФРЫ БЕН

Ключевые слова: «Бэкониианский травелог», воображаемые путешествия, женский травелог, Маргарет Кавендиш, Афра Бен, натуральная философия, бэкониианство.

Аннотация: На протяжении XVII в. в Англии прослеживаются две традиции описания пространства в формате истории графств. Одна восходит к антикварианизму, в котором описание осуществляется за счет наполнения пространства образами прошлого; вторая — к бэкониианству, сторонники которого фиксируют в первую очередь объекты физического мира. Обе традиции описывают передвижение в пространстве в контексте его познания. Однако зачастую отсутствие возможности совершить путешествие в физической реальности вынуждало авторов и в первую очередь женщин, перемещать своих героев в реальность «романтическую». Подобные странствия в вымышленных мирах можно выделить в творчестве Маргарет Кавендиш. Множественность культурных моделей реализована в творчестве М. Кавендиш в образе путешественника, преодолевающего барьеры между мирами, отправляясь к центру Земли в рассказе «Странствующие духи» или попадая в Парадайз в фантастическом романе-утопии «Пылающий мир». Невозможность публикации «бэкониианского травелога» сподвигло и английскую писательницу Афру Бен описать путешествие своей героини в экзотическую страну в виде приключенческого романа «Оруноко». Натурфилософские зарисовки Суринама вплетаются в ее сочинение, знакомя тем самым читателя с устройством этой колонии и демонстрируя авторскую осведомленность о ее природных характеристиках.

Для цитирования: Шпак Г. В. Бэкониианский дискурс в воображаемых путешествиях Маргарет Кавендиш и Афры Бен // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. № 31. Москва: ИВИ РАН, 2023. С. 110–133. DOI: 10.32608/2307-8383-2023-31-110-133

G.V. Shpak

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences
Russian State University for the Humanities
ORCID ID 0000-0001-7669-078X
geo.shpak@gmail.com

BACONIAN DISCOURSE IN THE IMAGINARY TRAVELS OF MARGARET CAVENDISH AND APHRA BEHN

Keywords: "Baconian travelogue", imaginary travel, women's travelogue, Margaret Cavendish, Aphra Behn, natural philosophy, Baconianism.

Abstract: Throughout the 17th century in England, two traditions of describing space in the format of county history can be traced. One goes back to antiquarianism, in which description is carried out by filling space with images of the past; the second – to Baconianism, which primarily fixes the objects of the physical world. Both traditions describe movement in space in the context of its knowledge. However, often the lack of the opportunity to travel in physical reality forced authors, and especially women, to move their heroes into a “romantic” reality. Such wanderings in fictional worlds can be distinguished in the work of Margaret Cavendish, who paid great attention to the problem of the multiplicity of worlds and overcoming boundaries. A demonstration of the plurality of cultural models is realized in the work of M. Cavendish through the image of a traveler who, by his own will or by the will of fate, overcomes the barriers between worlds, going to the center of the Earth in the story “The Travelling Spirits” or ending up in Paradise in the fantasy utopian novel “The Blazing World”. Travel in her work serves as a tool for overcoming imposed behavioral stereotypes, and also acts as a rhetorical device for revealing her natural philosophical and identification models. The impossibility of publishing a “baconian travelogue” prompted the English writer Aphra Behn to describe her heroine’s journey to an exotic country in the form of an adventure story “Orunoko”. Natural philosophical sketches of Suriname are integrated into her work, thereby introducing the reader to the structure of this colony and demonstrating the author's awareness of its natural characteristics.

To cite this article: Shpak, Georgii. “Baconian Discourse in the Imaginary Travels of Margaret Cavendish and Aphra Behn”. In *Adam & Eve. Gender History Review*. № 31, 110–133. Moscow: IGH RAS, 2023. (in Russian). DOI: 10.32608/2307-8383-2023-31-110-133

Received: September 29, 2023

Accepted: October 3, 2023

Традиция травелографических описаний пространства в Англии восходит к середине XVI в., когда выпускнику Кембриджского университета Джону Лиланду (ок. 1503–1552 гг.) было поручено совершить путешествие по Англии, составляя опись хранящихся в монастырских библиотеках книг. Во время поездок он вел записи, где описывал как собственные наблюдения, так и сведения из книг, а также информацию, полученную от местных жителей. Последующие авторы будут называть тетради Лиланда отправной точкой в традиции британской истории графств. Однако они будут изданы только в XVIII в., так что корректнее историю опубликованных травелографических описаний возводить к работе Уильяма Ламбарда (1536–1601 гг.) «Путешествие по Кенту», увидевшей свет в 1576 г. В дальнейшем многие авторы, относящие себя к антиквариям, будут брать путешествие У. Ламбарда за образец, проводя этимологические разборы наименований топонимов, описывая различные полезные ресурсы, социальный состав населения и пр. В подобном ключе будут составлены работы Джона Нордена, Дж. Стоу, Ричарда Кэрью и пр.

Антикварий Уильям Бертон в «Описании Лестершира» (1622 г.) о своих предшественниках напишет:

Я решился восстановить должное достоинство своей страны, прежде окутанной мраком, вдохновившись примером мудрых и совершенных, таких как наимудрейший и достойный восхищения антиквар, Уильям Камден, эсквайр, герольдмейстер Кларансе, составивший общий отчет об этом острове; трудолюбивый и достойнейший мистер Джон Спид, который в своей объемной и подробной «Истории Англии» тщательно описал каждое графство и путем многих путешествий и больших затрат украсил их картами и планами каждого из городов, чего никто не предпринимал прежде; и многие другие, описавшие ряд графств — серьезный и мудрый адвокат Уильям Ламбард, эсквайр Линкольнс-Инна, доставший из глубины древности на поверхность графство Кент; красноречивый и благородный джентльмен Ричард Кэрью, тщательно обследовавший Корнуолл; превосходный геодезист Джон Норден, джентльмен,

описавший графства Мидлсекс и Хартфордшир, составивший картографические таблицы некоторых западных графств и прекрасную перспективу лондонского Сити¹.

Как мы видим, в этом перечислении нет ни одного женского имени.

Географические открытия второй половины XVI — начала XVII вв. внесут свою лепту в восприятие травелографического текста, как оперирующего эмпирическими фактами, что бросит вызов традиционному представлению о превосходстве текстов прошлого в познании мира над персональными наблюдениями. Эвристический потенциал путешествий будет отмечен в заметках британских философов О. Фэлтхама и Ф. Бэкона. Оуэн Фэлтхам в 1620 г. в эссе «О путешествии» напишет: «Нет карты, подобной личному осмотру страны. Опыт — лучший советчик, и одно путешествие может дать человеку больше, чем любые описания»². Суждение о превосходстве эмпирического знания соотносится с знаменитым утверждением Ф. Бэкона:

Разве можно не считаться с тем, что дальние плавания и путешествия, которые так участились в наше время, открыли и показали в природе множество вещей, проливающих новый свет на философию. И конечно, было бы стыдно, если бы, в то время как границы материального мира — земли, моря и звезд — так широко раздвинулись, разум продолжал оставаться в тесных пределах того, что было открыто древними³.

В заметке Ф. Бэкона «О путешествии» (1625 г.) превосходство эмпирического познания реальности будет выражена столь же явно⁴.

1 **Burton.** 1777: III.

2 **Faltham.** 1840: 195.

3 **Бэкон.** 1977: 19.

4 **Бэкон.** 1978: 390–391.

Заступаясь за изыскания в области натурфилософии и их практическое назначение, М. Кавендиш в произведении «Олио мира» (1655 г.), использует метафору путешествия. Она вспоминает открытия мореплавателей, которые, несмотря на критику и насмешки современников, смогли открыть новые земли. Этот общеизвестный факт позволяет ей предположить, что в природе есть еще много скрытого: «Но невежественные и неокрепшие умы считают все неизвестное им — невозможным»⁵. Путешествие столь прочно ассоциируется с познанием, что в некоторых аллегориях писательница буквально сопоставляет путешественника со странствующей мыслью. В «Аллегории XVIII» в «Олио Мира» Маргарет Кавендиш сравнивает мозг с лесом, по которому странствуют мысли:

Мозг подобен лесу, а мысли — путникам, странствующим по нему, прокладывая пути и дороги. Когда мозг очень сух из-за горячих паров печени, возникает такая пыль пустых фантазмов, что затуманивает взор истины. Когда мозг влажен из-за холодных паров, происходящих из-за плохо работающего желудка, образуется такое болото невежества, что мысли тонут в нем и с трудом могут выбраться. Но когда погода здоровья хорошая, тогда есть и удовольствие, и восторг⁶.

Подобная аллегория встречается и в ее более раннем стихотворении 1653 г. «О странствующей мысли», в котором мысль для совершенствования своих знаний отправляется в путешествие по регионам мозга. М. Кавендиш использует риторические приемы травелога, аллегорически обыгрывая отдельные феномены: обувь путешественника — надежда, головной убор — любопытство, плащ — терпение, а также соотносит реальные образы и эпистемические добродетели —

5 Cavendish. 1655.

6 Ibid.

разбитая дорога ведет к заблуждениям, леса предвещают забвение и т. д.⁷.

Несмотря на то, что в жизни М. Кавендиш приходилось менять города и страны, мы не найдем в ее опубликованных работах документальных путевых заметок, хотя она и рассуждает о трудностях, с которыми приходится сталкиваться женщинам во время путешествий. В одном из «Общественных писем», опубликованных в 1664 г. и адресованных воображаемой собеседнице, М. Кавендиш высказывает свои суждения касательно женских путешествий. Она замечает, что ее эпоха намного более располагает к женским путешествиям чем предыдущая, но все же женщины во всем зависят в них от своих мужей:

Мадам, я слышала, что многие благородные лорды со своими дамами отправились в Ф. Это показывает, что в нашу эпоху есть много добрых мужей, потому что обычно, когда мужья путешествуют, они оставляют жен дома, считая их обузой в путешествиях, а хлопоты, связанные с ними большими, чем удовольствие от их компании⁸.

Однако она не считает, что в других странах условия столь же хороши:

Я полагаю, что женские путешествия существуют только в этой стране, а не у других наций, поскольку наши соотечественники становятся более добрыми мужьями, чем мужчины других наций⁹.

Женский пол все еще зависим от покровителей — супругов или братьев. Однако политические невзгоды вынудили многих женщин самостоятельно распоряжаться своей судьбой:

После наших войн некоторые были вынуждены путешествовать в дальние страны, будучи изгнанными из своей родной, а жены

7 Cavendish. 1653.

8 Cavendish. 2012: 107.

9 Ibidem.

изгнанных мужчин вынуждены были путешествовать к своим мужьям и обратно в поисках средств к существованию¹⁰.

Маргарет Кавендиш, будучи супругой Уильяма Кавендиша, лично претерпела подобные невзгоды, ведь ей пришлось оставлять его и отправляться в Лондон, пытаясь уладить дела с поместьями. Тем не менее в ее письме звучит идея прогресса, воплощенная в доступности путешествий для женщин, ведь в ее век «больше женщин путешествуют из-за моды (*Fashions sake*), чем по нужде; для развития (*breeding*), а не в поиске хлеба; за компанию, а не по необходимости. Они больше тратят на праздные путешествия, чтобы увидеть чужие народы, чем иные могут заработать¹¹.

И все же она признает, что все еще большое количество женщин не могут себе позволить этого. К ним относятся «путешествующие на свою родину и к близким родственникам, ведь они путешествуют не ради наблюдений, а в поисках пропитания, не для веселья, а в слезах, их умы затуманены печалью, пока они плывут по опасному морю на барках или деревянных кораблях, гонимых порывистым ветром, рискуя жизнью не ради развлечения и моды, а ради любви и милости»¹².

И хотя ни в одном из своих произведений М. Кавендиш не приводит автобиографических подробностей своих путешествий, персонажи ее сочинений отправляются в самые труднодоступные места мира, а путешественники размышляют над своей судьбой. В 1662 г. из печати вышел сборник воображаемых речей М. Кавендиш. В «Речи о зарубежных путешествиях молодых джентльменов» она пишет о плюсах и минусах странствий, утверждая, что далеко не всем путешествие

10 Ibidem.

11 Ibidem.

12 Ibidem.

может принести пользу. Обращаясь к благородным гражданам, она осуждает предвзятое мнение о том, что их сыновья останутся неучами, если не отправить их в путешествие, «чтобы они могли увидеть и понять моды, обычаи и нравы мира, с помощью которых они смогут лучше познать самих себя и научиться судить других»¹³. Однако, по ее словам, «наши молодые люди в этом веке не получают от своих путешествий ничего кроме тщеславия и порока, делающего их дураками»¹⁴. Основную проблему зарубежных путешествий М. Кавендиш видит в том, что они развращают молодежь:

правда в том, что они уходят из своей собственной страны благовоспитанными людьми, а возвращаются грубыми животными, такими как обезьяны, козы и свиньи, а некоторые возвращаются лисами, их путешествия превращают их из людей в животных; а что касается изучения других языков, позвольте заметить, что они узнают больше слов, чем смысла, из-за чего они говорят много, но не хорошо¹⁵.

Отмечая, как редко в действительности путешествие приносит пользу, М. Кавендиш предлагает поставить его под контроль:

по этой причине я считаю наиболее необходимым и уместным, чтобы никто не путешествовал без разрешения государственного или общественного совета, а по возвращении должен был отчитываться перед государственным и общественным советом о своих поездках и преимуществах, которые они извлекли. Таким образом, их путешествия были бы выгодны как им самим, так и их стране, став яслями и школой для воспитания молодежи¹⁶.

Сложно однозначно сказать, насколько серьезна была М. Кавендиш, рассуждая о необходимости контроля над

13 Cavendish. 1662: 74.

14 Ibidem.

15 Ibidem.

16 Ibid: 75.

молодыми путешественниками. В своих воображаемых речах она вполне могла иронично обыгрывать современные ей клише. По крайней мере она не скрывала своей иронии в пьесах и рассказах.

В одной из речей, включенной в тот же сборник 1662 г., она обыгрывает «предсмертную речь иностранного путешественника», добавляя в нее театральности:

Дорогие друзья, я путешествовал в дальние края, видел многое в мире, объехал весь свет, но теперь я отправлюсь в путешествие за пределы мира, откуда я не принесу никаких вестей, и не вернусь, чтобы рассказать свою историю¹⁷.

Перед лицом божественного суда путешественнику приходится оправдывать свое увлечение, которое многие, по его словам, могут посчитать атеистическим. Герой заявляет о бесстрашии путешественников, которые «не боятся смерти, иначе они не рисковали бы своей жизнью так часто»¹⁸. Путешественники мужественны как войны, предельно честны и справедливы, «если только они не торговцы»¹⁹. Об отношении их с Богом сказано, что «из всех людей путешественники имеют больше всего причин поклоняться Богу, и делать это усерднее всех, потому что они видят большинство его чудесных творений, свидетельствующих о его могуществе, мудрости и величии, которые заставляют его творения восхищаться им, восхвалять его, и бояться его»²⁰. В этой речи слышен близкий протестантской этике дух, превозносящий утилитаризм знания и индивидуализм религиозного созерцания.

17 Ibid: 136.

18 Ibid: 137.

19 Ibidem.

20 Ibidem.

Отсутствие реальных путевых заметок в творчестве Маргарет Кавендиш с лихвой компенсируют воображаемые путешествия, которые служили и для выражения эпистемологических представлений автора. Герой ее небольшой новеллы «Странствующие духи», включенной в сборник «Картины природы» (1656 г.), отправляется к центру Земли, оставив свое тело спящим в доме ведьмы. В центре Земли ему встречается некий старик, называющий себя братом Адама, который рассказывает о различных природных явлениях — подземных водах, морской соли, происхождении золота и пр., критикуя усилия химиков, пытающихся создать Философский камень²¹.

Героини отправляются в путешествие и в фантастическом романе М. Кавендиш «Пылающий мир» (1666 г.). В произведении путем диалогов представителей научных сообществ с императрицей показаны натурфилософские представления того времени на самые разнообразные темы. В одном из эпизодов души двух героинь отправляются из утопического мира в родной мир автора «так же легко, как две мысли и, что примечательно, в одно мгновение они увидели все его части и все действия всех населяющих его существ»²². Императрица стремилась во время путешествия зафиксировать все важные детали:

Душа Императрицы особенно много внимания уделяла действиям людей различных наций и частей мира, и дивилась, что у всех людей существует так много разных наций, правительств, законов, религий, мнений и т.д., но все они схожи в своем честолюбии, гордости, самонадеянности, тщеславии, расточительности, лживости,

21 Перевод см. в приложении.

22 Cavendish. 1668.

завистливости, злонамеренности, несправедливости, мстительности, нерелигиозности, враждебности и т.д.²³

Героини посещают Лондон и здание театра, владения супруга М. Кавендиш Уильяма, а также некоторые объекты природы:

Проходя Шервудский лес, душа Императрицы была ужасно довольна, так как это было сухое, равнинное и лесистое место, в котором очень приятно путешествовать как зимой, так и летом, потому что оно никогда не бывает ни грязным, ни пыльным²⁴.

Описания путешествий, акцентирующие внимание на объектах живого мира, будут широко представлены в виде естественных историй графств. Начало этой традиции было заложено Джошуа Чилдреем в 1660 г., опубликовавшим работу «*Britannia Vasconica*». В предисловии Д. Чилдрея сказано:

Моя цель — служить Содружеству ученых (*Commonweath of Learning*), нуждающемуся в том, чтобы такие истории были написаны, став надежным фундаментом для выстраивания аксиом, делающих нас настоящими учеными (*true Schollars*) и сведущими в философии людьми. Насколько мог, я следовал заветам моего учителя, лорда Бэкона, и в знак признательности за свет, озаривший начало моего пути, дал книге название «*Britannia Vasconica*», к тому же этот труд послужит дополнением к общему каталогу историй, о котором идет речь в конце его «Нового Органона»²⁵.

В данной традиции будут написаны истории графств Р. Плота, Дж. Обри и др. А Роберт Бойль составит инструкцию с алгоритмом фиксации образов реальности в бэкониианском ключе.

Ни М. Кавендиш, ни А. Бен не опубликовали подобной истории графства с натурфилософскими описаниями, однако включали их в свои воображаемые путешествия. Примером

23 Ibid.

24 Ibid.

25 Childrey. 1662.

может служить приключенческий колониальный роман Афры Бен «Оруноко», опубликованный в 1688 г. Писательница рассказывает нам о судьбе чернокожего принца Оруноко, доставленного в британскую колонию Суринам и поднявшего восстание рабов, сражаясь за свою свободу. Потерпев поражение, он был вынужден умертвить свою беременную супругу и, не имея сил поступить также с собой, попал в руки белых колонизаторов, которые подло казнили его, что и являлось окончанием произведения. В обращении к Лорду Мэйтленду А. Бен утверждает, что ее произведение полностью достоверно:

Если какие-то вещи и покажутся вам сказочными (*Romantick*), умоляю, Ваша светлость, учесть, что эти страны во многом настолько отличны от наших, что тут встречаются невероятные чудеса, по крайней мере, такими они предстали перед нами в своей новизне и необычности²⁶.

Героиня подробно расписывает географические и природные характеристики Суринама. Она сообщает, что хотя размеры этой страны в точности неизвестны, одни говорят, что она простирается вплоть до Китая, другие, что до Перу. О погоде она пишет — «всегда весна, всегда апрель, май, июнь», с чем связано обильное плодородие этой земли: «померанцы, лимоны, цитроны, фиги, мускатные орехи и благородные ароматические деревья»²⁷.

Она описывает свойства древесины и возможности ее использования. Смола идет на производство свечей, из кедра строятся дома и т.д. В духе бэконинского травелога она описывает и животных. О встретившимся ей броненосце (*an Armadilly*), она пишет:

26 Ben. 1688,

27 Ibid: 150.

я могу сравнить его разве что с носорогом, поскольку на нем белая броня, прилегающая так, что он может двигаться свободно, будто на нем совсем ничего нет. Величиной же он с шестинедельную свинью²⁸.

Она сообщает нам и о других обитателях этой страны. Говоря о том, что колонисты выменивают у жителей этой страны рыбу, дичь, буйволиные шкуры и небольшие диковины (*little Rarities*), она приводит описания обезьянки-мармозетки (*Marmosets*): «разновидность обезьян размером с крысу или с хорька, но гораздо деликатнее, а лицом и ручками напоминает человека»; кушери — «зверек, внешне подобный льву, но размером с котенка, сложенный так же, как царь зверей, но только меньше»²⁹, упоминает необычных птиц, гигантских змей, насекомых, цветы всевозможных оттенков и пр. Автор приводит и натурфилософские описания необычных феноменов. Так, она рассказывает об электрическом угре (*a Numb Eel*), электрические свойства которого были на тот момент еще неизвестны. Она сообщает о том, что любой, кто пытается его схватить цепенеет и может упасть замертво. Причину этого она видит в том, что он «так холоден (*has a quality so Cold*), что стоит ему только коснуться наживки, как оцепенение находит на рыбака любого пола, даже использующего удилице с длинной леской, и он временно лишается чувств»³⁰. Не меньший интерес представляют и ее описания индейцев и их языка, который, согласно словарям, соответствовал реальному языку их общения³¹.

Из-за обилия травелогографических зарисовок образов природы некоторые исследователи предполагают, что в описаниях А. Бен опиралась на инструкцию для

28 Ibid: 151.

29 Ibid: 4.

30 Ibid: 164.

31 Бен. 2023.

путешественников, опубликованную Р. Бойлем³². Джуди Хайден пишет, что издание документального отчета о путешествии для женщин этого времени в связи с низким статусом в академическом сообществе было невозможным, что и обусловило выбор данной формы:

Это и мемуары, и во многих смыслах — роман, но это и травелог, в котором дана натуральная история Суринама. Научные описания встроены в текст как строительный раствор между кирпичами истории³³.

Таким образом, и в травелографических описаниях М. Кавендиш и в романе А. Бен мы видим черты бэконского травелога. Отчасти это связано с отсутствием жестких дискурсивных рамок научного текста. Описания могли быть представлены в виде стихов, пьес, травелогов, утопий и пр., но именно ассоциация с документальностью, достоверностью и эмпирическим опытом, позволяла женщинам использовать жанр воображаемого (fiction) травелога для фиксации элементов собственных эпистемологических программ.

32 Инструкция для путешественников-натуралистов и последователей Бэкона, устанавливающая в какой последовательности следует фиксировать природные объекты, была опубликована Робертом Бойлем в 1665 г. в журнале «Философские труды Королевского общества». (Boyle. 1665).

33 Hayden. 2013: 123.

Список источников и литературы

Бен. 2023 — Бен А. Оруноко, или история царственного раба / перевод и вступ. ст. А. Серебренников // Иностранная литература, No. 9. 2023. С. 3–72.

Бэкон. 1977 — Бэкон Ф. Сочинения: в 2 томах / Ф. Бэкон; пер. с англ. Н. Федоровой, Я. Боровского. М.: Мысль. 1977. Т. 1. 567 с.

Бэкон. 1979 — Бэкон Ф. Сочинения: в 2 томах / Ф. Бэкон; пер. с англ. Н. Федоровой, Я. Боровского. М.: Мысль. 1978. Т. 2. 575 с.

Ben. 1668 — Ben A. Oroonoko, or, The royal slave: a true history. London: Printed for Will. Canning ..., 1688. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A27305.0001.001/1:2?rgn=div1;view=fulltext> (12.09.2023).

Boyle. 1665. — Boyle R. General Heads for a Natural History of a COUNTRY, Great or Small, Imparted Likewise by Mr. Boyle // Philosophical Transactions, 1665. Vol. 1. P. 186–189.

Burton. 1777 — Burton W. The Description of Leicestershire: Containing Matters of Antiquity, History, Armoury, and Genealogy. W. Whittingham, 1777. 298 p.

Cavendish. 1653 — Cavendish M. Of a Traveling Thought // Margaret Cavendish's Poems and Fancies: A Digital Critical Edition. Ed. Lisa Blake. URL: <http://library2.utm.utoronto.ca/poemsandfancies/2019/05/02/of-a-traveling-thought/> (07.09.2023).

Cavendish. 1655 — Cavendish M. An Epistle to the Unbelieving Readers in Natural Philosophy / *The Worlds Olio Written by the Right Honorable, the lady Margaret Newcastle.* London: Printed for J. Martin and J. Allestrye at The Bell in St. Pauls ChurchYard, 1655. URL: <http://digitalcavendish.org/complete-works/worlds-olio-1655/> (10.09.2023).

Cavendish. 1662 — Cavendish M. Orations of Divers Sorts Accommodated to Divers Places Written by the Lady Marchioness of Newcastle. London: [s.n.], 1662. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A53051.0001.001/1:5?rgn=div1;view=fulltext> (07.09.2023).

Cavendish. 1668 — Cavendish M. The Description of a New World, Called the Blazing-World. London: Printed by A. Maxwell, 1668. URL: <https://digital.library.upenn.edu/women/newcastle/blazing/blazing.html> (10.09.2023).

Cavendish. 1671 — Cavendish M. Natures picture drawn by fancies pencil to the life being several feigned stories, comical, tragical, tragicomical, poetical, romanical, philosophical, historical, and moral: some in verse, some in prose, some mixt, and some by dialogues / written by ... the Duchess of Newcastle. London: Printed by A. Maxwell, 1671. URL: <https://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-index?c=eebo;idno=A53048.0001.001> (12.09.2023).

Cavendish. 2012 — Cavendish M. Sociable Letters / ed. with an introduction and notes by James Fitzmaurice. Abingon, NY: Routledge, 2012. 229 p.

Childrey. 1662 — Childrey J. Britannia Baconica: or, The Natural Rarities of England, Scotland, & Wales. London: Printed for the author, and are to be sold by H. E. at the sign of the Grey-hound in St. Pauls Church-yard, 1662. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A32843.0001.001/1:3?rgn=div1;view=fulltext> (10.09.2023).

Faltham. 1840 — Faltham O. Resolves, Divine Moral and Political. London: Pickering, 1840. P. 194–196.

Hayden. 2013 — Hayden J. A Travel Narratives, the New Science, and Literary Discourse, 1569–1750. Farnham: Ashgate Publishing, Ltd., 2013. 256 p.

REFERENCES

Bacon, Francis. *Works in two vols.* trans. N. Fedorovoy, Ja. Borovskiy. Moscow: Mysl. 1977. Vol. 1. (In Russian).

Bacon, Francis. *Works in two vols.* trans. N. Fedorovoy, Ja. Borovskiy. Moscow: Mysl. 1978. Vol. 2. (In Russian).

Ben, Aphra. “Oroonoko, or, The royal slave: a true history” In *Foreign literature*. Trans. by A. Serebrennikov. No. 9 (2023): 3-72. (In Russian).

Ben, Aphra. “Oroonoko, or, The royal slave: a true history”. London: Printed for Will. Canning (1688), <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A27305.0001.001/1:2?rgn=div1;view=fulltext>

Boyle, Robert. “General Heads for a Natural History of a Countrey, Great or Small, Imparted Likewise by Mr. Boyle” In *Philosophical Transactions*, Vol. 1, 1665: 186–189.

Burton, William. "The Description of Leicestershire: Containing Matters of Antiquity, History, Armoury, and Genealogy". W. Whittingham, 1777.

Cavendish, Margaret. "Of a Traveling Thought". *Margaret Cavendish's Poems and Fancies: A Digital Critical Edition*. Ed. by Liza Blake, <http://library2.utm.utoronto.ca/poemsandfancies/2019/05/02/of-a-traveling-thought/>

Cavendish, Margaret. "An Epistle to the Unbelieving Readers in Natural Philosophy" In *The Worlds Olio Written by the Right Honorable, the lady Margaret Newcastle*. London, printed for J. Martin and J. Allestrye at *The Bell in St. Pauls Church Yard, 1655*, <http://digitalcavendish.org/complete-works/worlds-olio-1655/>

Cavendish, Margaret. "Orations of Divers Sorts Accommodated to Divers Places Written by the Lady Marchioness of Newcastle" London, [s.n.], 1662, <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A53051.0001.001/1:5?rgn=div1;view=fulltext>

Cavendish, Margaret. "The Description of a New World, Called the Blazing-World". London, printed by A. Maxwell, 1668, <https://digital.library.upenn.edu/women/newcastle/blazing/blazing.html>

Cavendish, Margaret. "Natures picture drawn by fancies pencil to the life being several feigned stories, comical, tragical, tragi-comical, poetical, romanical, philosophical, historical, and moral: some in verse, some in prose, some mixt, and some by dialogues". London, printed by A. Maxwell, 1671, <https://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/textidx?c=eebo;idno=A53048.0001.001>

Cavendish, Margaret. "Sociable Letters". Abingon, NY: Routledge, 2012. 229 p.

Childrey, Joshua. "Britannia Baconica: or, The Natural Rarities of England, Scotland, & Wales", printed for the author, and are to be sold by H. E. at the sign of the Grey-hound in St. Pauls Church-yard, 1662, <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A32843.0001.001/1:3?rgn=div1;view=fulltext>

Faltham, Owen. "Resolves, Divine Moral and Political". London: Pickering, 1840: 194–196.

Hayden, Judy. "A Travel Narratives, the New Science, and Literary Discourse, 1569–1750". Farnham: Ashgate Publishing, Ltd., 2013. 256 p.

Приложение

Кавендиш М. Странствующие духи³⁴.

Один человек обратился к ведьме, умоляя ее помочь, поскольку ему очень хотелось путешествовать (*have a curiosity to travel*): «я хотел бы отправиться туда, куда мне не попасть без Вашей помощи». «Что это за место?» — спросила ведьма. «Мне хочется попасть на Луну» — ответил он. «Но, — возразила ведьма, — только натурфилософы способны на это, ведь они путешествуют по всем планетам, тщательно изучая природу и так усердно и преданно служа ей, что презирают нашего великого учителя Дьявола, и очень сильно мешают нам на нашем пути, однако в основном они путешествуют посредством рассуждений».

«В этом случае, — сказал он, — я хочу отправиться в Рай». «Честно говоря, — сказала она, — я не смогу проводить Вас туда, ведь я так же неопытна в этих вопросах и так же слабо разбираюсь в них, как и натурфилософы, поскольку они верят, что такого царства не существует. Но если Вы так желаете попасть в это царство, Вам следует отправиться к богословам (*the Divines*), которые являются единственными возможными проводниками. Однако следует быть осторожным в их выборе. Одни проведут Вас по очень длинному и труднопроходимому пути, другие — по короткому, но очень прямому и узкому, третьи — по более приятному и легкому. Вы обнаружите, что не только у натурфилософов, но и у богословов бывают споры и разногласия, являющиеся большим препятствием и проблемой для путников. Они показывают, что

34 Перевод с издания: Cavendish. 1671: 249-258.

богословы сами не столь совершенны в своих путях. Многие путешественники проходят — кто-то четверть, кто-то половину, а кто-то треть пути, прежде чем повернуть назад и сменить проводника, и это повторяется от гида к гиду, пока они не пройдут их всех, или пока не выбьются из сил. Но в конце концов им придется искать свой путь с того же места, с которого они впервые отправились в путешествие».

«В таком случае, — сказал человек, — доставь меня в Ад». «По правде, — призналась ведьма, — я всего лишь выдающаяся слуга (*but a Servant extraordinary*), не имеющая силы, чтобы отправиться в королевство своего хозяина прежде своей смерти. Хотя путь туда открыт и просторен, а проводники надежны. Тем не менее, будучи прислужницей дьявола (*the Devil's Factor*), оказывающей ему услуги на земле, я могу вызвать оттуда любого, даже самого короля». «В таком случае, — взмолился человек, — проводи меня к центру Земли». «На это я способна, — ответила она, — причем сделаю это так незаметно, что натурфилософы никогда не смогут уследить за нами». Она попросила его войти в дом, так как, по ее словам, перед столь грандиозным путешествием, следовало хорошенько подкрепиться. «Кроме того, — сказала она, — твое тело слишком громоздко, поэтому мы оставим его, чтобы двигаться налегке, став духом». Она вышла, и, вернувшись, принесла блюдо опиума (*a Dish of Opium*), попросив съесть его до конца. Он ел очень усердно, и, когда закончил, его мысли стали настолько тяжелыми, что тело упало в изнеможении, лишившись чувств. Тогда его дух выскользнул, оставив тело спящим.

Так они с ведьмой отправились в путешествие. В пути он обнаружил, что климат был очень неумерен — то слишком жарким, а то, наоборот, чересчур холодным. В пути они встретили много разнообразного. Им попадались чудовищно

громадные горы человеческих и животных костей, лежащих вперемешку друг с другом. Затем он увидел огромное море крови, вытекающей из убитых тел, чьи воды казались очень беспокойными. «В чем причина этого?» — спросил он. «В насильственной смерти», — ответила ведьма. Им попадались и другие моря крови, казавшиеся столь спокойными, что не было ни одной волны. Тогда он спросил: «Отчего море здесь так спокойно?». «Это кровь тех, кто умер мирно», — ответила она. Затем он спросил: «Где кровь других существ, таких как звери, птицы, рыбы и им подобные?». Она ответила: «Среди человеческой крови, ибо земля не знает различий».

Далее они прошли через самое приятное место, являвшееся, по ее словам, хранилищем природы (*the Storehouse of Nature*), где были представлены формы и субстанции всех фруктов, цветов, деревьев и любых овощей, но все они были мутного цвета. Он собрал несколько фруктов, чтобы попробовать их, но они не имели вкуса. Тогда он собрал несколько цветов, но они не имели запаха. «В чем причина этого?» — спросил он. Ведьма ответила, что земля дала им только форму и субстанцию, а единственной причиной их вкуса, запаха и цвета было Солнце.

Дальше по пути они видели огромные шахты, карьеры и ямы, но она, будучи опытным проводником и зная дорогу, избегала их, так что они не могли быть помехой в их путешествии, как это было бы в противном случае.

Чем больше они удалялись от поверхности земли, тем становилось темнее и было все труднее различать простой путь. Тогда он сказал ведьме, что холм столь ужасно крут и настолько темен, что идти дальше очень опасно. «Нет никакой опасности, — возразила она, — ведь здесь нет наших тел, а наши духи настолько легки, что сами поддерживают себя». Они преодолели большое расстояние, прежде чем путь стал

настолько тесным, что начал причинять боль даже духам. Тогда человек сказал ведьме, что даже его дух испытывает боль. Она ответила: «Ему придется это вытерпеть, поскольку центр Земли — всего лишь точка в окружности (*Point in a Circle*)».

Когда он добрался до центра Земли, он увидел сияние, подобное лунному свету. Приблизившись, он увидел, что светящееся кольцо вокруг центра образовано хвостами светлячков, дающих этот свет. В центре же находился старик, который не стоял и не сидел, потому что не на чем было ни стоять, ни сидеть, но будто бы парил в воздухе, никогда не сходя со своего места, поскольку был там с тех пор, как создан мир. Никогда не имевший рядом женщины, способной соблазнить его на грех, он никогда и не умирал. И хотя не мог сдвинуться со своего места, тем не менее, у него была сила призывать к себе все сущее на земле и распоряжаться им по своему усмотрению.

Когда они подошли к старику, ведьма извинилась за их появление и просила не сердиться на них, поскольку они пришли из-за человека, желавшего знаний, и не жалевшего ни сил, ни стараний, чтобы получить их. Тогда он похвалил человека, поприветствовав его, и рассказал ему обо всем, о чем только мог.

Старик спросил его о химиках, живущих на поверхности земли.

Человек ответил: «Они наделали много шума в спорах, потратив множество сил и средств на поиск Философского камня, способного сделать Эликсир, но так и не смогли достичь ни малейшего успеха».

«Увы, — сказал старик, — они слишком непостоянны, чтобы довести свои труды до совершенства, ведь они никогда не придерживаются определенной точки зрения, но всегда проводят новые эксперименты, редко доводя до конца то, что

начали. К тому же, продолжал он, — они живут недостаточно долго, чтобы найти Философский камень, ведь требуется ни один или два века, а много веков, чтобы довести его до совершенства. Но я, — продолжал он, — прожив долгую жизнь и усердно наблюдая за устройством природы (*the course of Nature*), достиг высот этого искусства, так что все золото, добытое когда-либо в рудниках, было обращено мной (*was converted*). Ведь в ранний период мира было найдено очень мало золота, и ни мой брат Адам, ни его потомство на протяжении многих веков не знали ничего подобного. С тех пор, как я достиг совершенства в этом искусстве, я создал так много шахт, что это вынудило все части внешнего мира сплотиться ради него. Но я не буду делать его так много, чтобы им начали гнушаться».

«Что касается моих средств (*Stills*), — сказал он, — то это — поры земли, а воды, которые я дистиллирую, — это сладкие росы. Их маслянистая часть — амбра. Химики не знают, как, откуда и благодаря чему она происходит. Одни говорят, что от деревьев; другие, что это икра какой-то рыбы; так что все считают по-разному. Соленость моря также связана с химией; а пар, исходящий от земли, — это дым, поднимающийся от моих камней. Но, — продолжал он, — мир не будет существовать долго, поскольку я своим искусством превращу все это в стекло. Так же как мой брат Адам своим грехом одних отправил с земли на небеса, а других в ад, я перенесу (*transplant*) мир с земли на стекло, что станет последним химическим действием».

Затем человек заметил поток воды, который со стремительной силой протекал недалеко от центра. «Как здесь оказалась эта вода?» — спросил он. Старик ответил, что это был желоб, по которому текла вода, которую солнце вытягивало из моря и которая снова изливалась на землю, проходя по ее

венам, и снова через центр возвращаясь в море. Все маленькие трубки-вены сходились в центре, иначе мир снова затонул бы, так как было во время Ноева потопа, когда Юпитер повелел этим трубчатым жилам закрыться и только через некоторое время открыться вновь.

«Удивительно, — заметил человек, — что все тяжелые материалы мира не падают Вам на голову и не убивают Вас». «Зачем им это, — возразил старик, — если они лежат все вместе в одной куче. Поскольку каждая вещь состоит из нескольких движений, каждая занимает свое место. Ведь золото и железо никогда не располагаются на земле вместе, и не все виды камней можно найти в одном карьере. При этом не все шахты и карьеры объединены, но находятся в разных местах, равномерно уравнивая вес земли и удерживая ее от падения».

«Вы ведете меланхоличную жизнь, — сказал человек, — и остаетесь самим собой».

«О, — возразил старик, — богатства земли во всем их многообразии окружают меня. Это место — сердце или душа изобилия. Здесь меня окружают милые мышки-сони, жирные кроты, питательные черви, трудолюбивые муравьи и многие другие, годящиеся в пищу. Здесь не бывает бурь, которые могли бы беспокоить меня, ни волнений, которые могли бы меня смутить, но только тепло, которое ублажает меня, мир и покой, которые утешают и радуют меня. Подземные воды — моя музыка, светлячки — мой свет, а химическое искусство — мое времяпрепровождение».

Когда он завершил свою речь, они ушли, извиняясь за свой внезапный визит и благодаря за приятно проведенное время. Старик просил их беречь себя на обратном пути, поскольку, по его словам, им придется пройти через холодные, сырые и переменчивые, а также горячие, жгучие и смертоносные места, поскольку внутри Земли есть как великая сырость,

так и великий жар и огонь. Однако этот огонь не дает такого света как Солнце, поскольку жар земли подобен огню в углях, а жар Солнца подобен пламени, являющемуся более тонкой частью горящей субстанции, но излучающего меньшее тепло. «Однако Солнце, — продолжал он, — за счет своего быстрого движения дает больше тепла, чем тепло дает движения. И хотя огонь — самый тонкий из всех элементов, тем не менее он становится более или менее активным в зависимости от субстанции, на которую воздействует, так как огонь менее активен на твердых телах, чем на легких и тонких».

Ведьма и дух молодого человека поблагодарили его и ушли. Но обратный путь оказался гораздо менее приятным. Одни дороги были глубокими и грязными, другие труднопроходимыми и глинистыми, некоторые — болотистыми и песчаными, а некоторые — сухими и пыльными. Воды были широкими, горы — высокими и каменистыми, а некоторые склоны были полны мела и известняка.

Но наконец, добравшись до места, откуда они начали путь, человек нашел там свое тело, и, надев его, как одежду, поблагодарил ведьму и отправился домой, чтобы дать отдых своему утомленному духу (*his weary Spirits*).